

ПИСЬМО НЕЗНАКОМКИ К ГЕРЦЕНУ

Публикация Л. Р. Ланского

В конце 1851 г. Герцен написал на французском языке брошюру, озаглавленную «Le peuple russe et le socialisme. Lettre à monsieur J. Michelet, professeur au Collège de France». Печатаемая фрагмент из нее в парижской газете «Avènement du Peuple», редактор отдела К. Беррю сопроводил публикацию следующим подстрочным примечанием: «Чтение „Легенд демократии“, которые г. Мишле публикует в „Avènement“, вызвало со стороны одного из самых замечательных писателей-патриотов России ответ, трогательное красноречие которого заставит забиться все сердца. Спешим предложить несколько отрывков из него друзьям свободы во всех странах» (VII, 435).

В этой программной брошюре Герцен убедительно доказывал французской и европейской демократии, что она превратно судит о русском народе, который, несмотря на свою молодость, обладает полноценной национальной культурой, революционными и социальными традициями и всеми задатками для блестящего будущего.

Ж. Мишле, к которому обращено открытое письмо Герцена, был потрясен этим произведением, «исполненным силы и жизни» (VII, 439). Под влиянием доводов оппонента он пересмотрел свое отношение к русскому народу, отказался от прежних предубеждений и стал преданным другом «молодой России» — России, борющейся за новое социальное будущее.

Первое отдельное издание брошюры Герцена вышло в свет в 1851 г., но оно почти полностью конфисковано было марсельской таможней. Второе издание появилось на острове Джерси только четыре года спустя, в 1855 г. Это издание, скорее всего, и могло попасть в руки корреспондентки Герцена — русской женщины из образованного круга, которая, возвратившись из-за границы, обратилась к автору брошюры со словами одобрения. Ни своего имени, ни адреса, ни каких-либо конкретных данных о себе она Герцену не сообщила и подписалась так: *Une Compatriote*, т. е. *Соотечественница*.

Можно предположить, с большой долей уверенности, что это письмо, автором которого хранится в архиве Женевской публичной и университетской библиотеки, относится к 1855 или 1856 г., т. е. написано вскоре после выхода в свет второго издания брошюры Герцена.

Письмо должно было доставить автору не только удовлетворение, но и радость. В ту пору ему редко писали эмансипированные (в хорошем смысле этого слова) женщины; вдобавок это был голос не просто читательницы, а *русский голос*, и подобный отклик не был безразличен для Герцена, помыслы которого устремлены были к России.

Пока не удалось установить, кто эта образованная и свободомыслящая патриотка: в письме отсутствуют конкретные данные о ее личности, а почерк недостаточно характерен, чтобы служить ключом для раскрытия загадки.

В письме нет и намека на то, что от Герцена ждут ответа на это дружеское послание. Автор брошюры «Русский народ и социализм» вынужден был молча принять донесшийся до него сочувственный голос.

C'est après avoir eu l'occasion durant un récent séjour à l'étranger de lire votre intéressante lettre adressée à monsieur de Michelet et ayant pour titre le *Peuple russe et le socialisme en Russie* que je me permets à mon tour, monsieur, de vous envoyer mes remerciements sincères et bien sentis, pour notre cause si vaillamment soutenue, si éloquemment défendue!

Les accents de votre chaleureux plaidoyer ont retenti avec toute la force du patriotisme dans un cœur russe. Vous avez généreusement élevé la voix au nom de l'enfant deshérité, du mineur insulté. Oui, monsieur, comme vous le dites bien, la Russie est une sœur cadette de tous les peuples de l'Europe qui l'on si fort devancés dans les voies de la civilisation. Le mineur maltraité de ses aînés durant une longue période de faiblesse et d'impuissance.—Mais l'enfant a déjà secoué ses limbes, une jeunesse

не с бесчувственной немотой переносит она разнузданность и оскорбительные проявления ненависти, а также иронические и саркастические выпады. Ваша прекрасная характеристика русского народа победоносно разрешила оскорбительный вопрос о существовании или несуществовании этого народа. Грустные условия нашего прошлого, изолированный ход нашей истории действительно избавили нас от всех традиционных обязательств по отношению к Западу, и мы не должны знать по крайней мере раболепия; свобода не должна быть у нас несправедливо отнята. Вы заставили зазвучать, милостивый государь, и отдельные струны нашей народной Музы и доказали, что лира наша умеет исторгать такие напевы, грустная мелодия которых не ниже прекраснейших западных лир и делает понятным глубокие и сокровенные звуки этой меланхолической поэзии. Могу ли я обойти молчанием, милостивый государь, столько превосходных суждений, содержащихся в вашей небольшой брошюре, которые могут служить предметом изучения для всякого иностранца, так что доброжелательное или хотя бы беспристрастное штудирование ее сможет привести к серьезному и истинному знанию того, что касается нас.

И, наконец, милостивый государь, каждая из строк вашего восхитительного, хотя и небольшого, труда выражает мысль, обнаруживает чувство, которые таились, скрытые в глубинах наших сердец и ждали такого красноречивого истолкования, чтобы вызвать у нас искреннее одобрение и самые пылкие наши симпатии.

Примите же в связи с этим, милостивый государь, несколько запоздалое, но исполненное не меньшей признательности, чем любви, свидетельство уважения

от одной Соотечественницы